

РУССКИЙ БЕСТСЕЛЛЕР

Николай
ЛЕОНОВ
Алексей МАКЕЕВ

Сумасшедший

день

МОСКВА

2023

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
Л47

Оформление серии *В. Щербакова*
Иллюстрация на переплете *В. Петелина*

Леонов, Николай Иванович.

Л47 Сумасшедший день / Николай Леонов, Алексей Макеев. — Москва : Эксмо, 2023. — 288 с. — (Русский бестселлер).

ISBN 978-5-04-180327-8

В дежурную часть МВД поступила серия странных и, казалось бы, не связанных между собой заявлений. В одном свидетель рассказывал, как на протяжении нескольких месяцев один и тот же молодой человек входил утром в метро и выходил оттуда спустя всего несколько минут. В другом заявительница жаловалась, что в соседней квартире проживает слишком много незнакомых дам: брюнетка, блондинка, рыжая. В третьем помощник депутата заявлял, что его ограбили в баре на очень крупную сумму... Полковник Гуров взялся разобраться со всеми эпизодами, еще не предполагая, что все они тесно связаны между собой и представляют для него смертельную опасность...

УДК 821.161.1-312.4
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

© Макеев А.В., 2022

© Оформление.

ООО «Издательство
«Эксмо», 2023

ISBN 978-5-04-180327-8

— Ты не герой, ты — бактериологическое оружие! Немедленно вон из дежурной части! Колодин, обработай после него все! Прямо в воздух распылай антисептик! И окна, окна открой!

— Зима же, товарищ генерал, холодно... — пробасил дежурный.

Только генерала Орлова уже было не остановить. В обед начальник Главного управления уголовного розыска МВД России генерал Петр Николаевич Орлов, как обычно, хотел прогуляться до соседнего здания, где расположилось уютное кафе с ежедневными бизнес-ланчами, куда он ходил обедать вот уже больше пяти лет. Для него это стало своеобразным ритуалом, помогающим на час отвлечься от высокого рабочего напряжения, забыть об убийствах, грабежах и других страшных преступлениях, расследованием которых занимались

его оперативные работники или, как они сами себя называют, опера. Генерал точно знал: если сегодня он неспешно прошелся по улице, вдыхая с удовольствием свежий воздух, с аппетитом, не торопясь, пообедал, то отдел работает как отлаженный часовой механизм. Оперативники и следователи распутывают тяжелые преступления, находят преступников, собирают доказательную базу для передачи дела в суд.

Но в этот день на выходе Орлову в глаза бросился новенький, лейтенант Максим Черновец, который сегодня заступил на свое первое дежурство в качестве оперативника. Петр Николаевич только хотел было поинтересоваться у парня, как прошла первая половина дня, как в ужасе отшатнулся. Молодой сотрудник выглядел просто кошмарно: бледное лицо, набухший нос, отеки глаза с красными воспаленными веками. Черновец заходился в страшном кашле, пытаясь что-то написать в своих бумагах. Медицинская маска валялась ненужным голубым лоскутом на столе дежурки. От увиденного Орлов взорвался мгновенно. Новая болезнь выкосила этой осенью за неделю больше половины его отдела. Теща, а потом жена успели тоже полегать в инфекционной больнице, да и сам он очень тяжело перенес коронавирус, практически две недели проведя дома в страшном

изнеможении. Явно больной парень вызвал у начальника приступ ярости, подобное геройство — работать с температурой и признаками уже начавшейся болезни — Орлов считал глупостью, которая принесет больше проблем, чем результата. Поэтому на обед в любимое кафе начальнику управления сегодня было не суждено попасть, вместо часа отдыха пришлось срочно отправлять домой заболевшего дежурного.

— Черновец, табельное сдавай — и домой, врача на дом вызовешь. И маску надень! Выходи бегом! Колодин, ты тоже маску надевай!

— Неудобно, товарищ генерал, лицо потеет, — упрямылся дежурный.

— Ты в больнице хочешь потеть от температуры?! Тысячами люди умирают, Колодин! Мне маску тоже давай! Чтобы проверивал тут не меньше часа!

Петр Николаевич поспешно натянул маску на лицо, прикрыл тщательно нос и рот. Дежурный тоже натягивал резинки маски на большие оттопыренные уши, на его круглом лице медицинская защита смотрелась куцым лоскутом.

— Петр Николаевич, а кто тогда вместо Черновца? Кто дежурить будет?

Орлов и сам уже понимал, что пообедать сегодня не удастся, надо срочно искать

замену заболевшему новичку. Но кого? Он мысленно принялся перечислять всех своих сотрудников: «Станислав Крячко — в командировке в Санкт-Петербурге, куда его отправили в помощь местным операм по громкому делу о морской контрабанде; еще двое парней только завтра выйдут наконец после болезни на работу; у Матросова серия по предполагаемому маньяку, и сегодня весь день он на опознаниях свидетелями подозреваемого, Головченко мотается по Подмосковию за сбором улик в районных больницах, куда попали жертвы недобросовестного врача. Кто же еще остался? Макаров в отпуске, кажется, не в Москве. Сейчас наберу ему, может, уже успел вернуться. Ну и денек, еще только обед, а уже голова кипит».

За печальными размышлениями генерал сам не заметил, как добрался до своего кабинета на втором этаже. Здесь уже разгорался новый скандал. Его секретарша Верочка вцепилась в ручку двери, не пуская крепкую старуху, что навалилась всем телом на деревянную створку.

— Ждите в коридоре, женщина, начальник на обеде. Это во-первых! А во-вторых, заявления принимает дежурный! Это на первом этаже, спускайтесь и пишите там заявление на вашу соседку!

— Я тебе «не пущу»! Я тебе устрою, президенту на тебя пожалуюсь! Там вертеп! Их надо разогнать, мешают мне! Проститутки! — верещала старуха, отталкивая Верочку, чтобы проникнуть за дверь с табличкой «Начальник оперативно-разыскного отдела Управления уголовного розыска МВД генерал Орлов П. Н.». — Пусти меня к начальству, я вас знаю всех как облупленных, без начальства никто пальцем не пошевелит. Заявление мое выкинете, а мне страдай от этих дряней! Я уже писала участковому, каждую неделю к нему хожу, а он пальцем не пошевелит. Знаю я вас всех!

— Прекратите! Вы как здесь оказались? — Петр Николаевич попытался встать между растрепанной секретаршей и упрямой старушенцией.

Та фыркнула, ни капли не смутившись:

— Ногами пришла, я через три двора от вас живу. Жалобу мне надо написать, у меня вертеп в соседней квартире, девки разряженные шныряют каждый день туда-сюда! Прекратить это безобразие надо, прямо под носом у вас бордель, а вы сидите по кабинетам. И эта меня еще не пускает. Вот, палец прищемила!

Пенсионерка продемонстрировала вполне целый палец со старой зажившей царапиной, Верочка возмущенно воскликнула:

— Да я до вас даже не дотронулась. Это вы дверь чуть не сломали, так пихались!

— Ничего я не трогала, — взвыла старуха и на всякий случай отскочила подальше от двери. — И не ломала! Это ты сломала! Вон бока какие наела, никакие двери не выдержат!

Верочка от такого оскорбления вспыхнула, так как она действительно была полновата и боролась со своими килограммами, отчаянно отказываясь от любимых конфет или пирожных за чаем. Глаза женщины опасно увлажнились, посетительница попала точно в ее больное место. Петр Николаевич мысленно застонал: «Что за сумасшедший день! Остался голодным, новая волна коронавируса в отделе, а тут еще и скандальная посетительница, и женские слезы, которые страшнее, чем матерые преступники. С ними хотя бы понятно, как надо действовать!» Ему надо срочно обзванивать сотрудников, выдергивать кого-то из отпуска или с больничного на дежурство по отделу до утра, а тут на его голову свалилась скандальная пенсионерка.

— Петр Николаевич, помощь нужна?

От ровного голоса за спиной генерал мгновенно выдохнул, а женщины затихли: Верочка перестала плакать, пенсионерка — возмущенно кричать. За спиной генерала

спокойно ждал ответа оперуполномоченный по особо важным делам Лев Иванович Гуров. Он давно уже привык к такой реакции людей на свое появление, хотя и не было ничего в его фигуре угрожающего или пугающего. Высокий, крепко сложенный, чуть за сорок, сдержанные манеры и негромкий голос. Но было в нем что-то такое надежное, успокаивающее, от чего свидетели начинали рассказывать все, что видели, закоренелые преступники выдавали свои тайны, у потерпевших появлялась надежда на справедливое возмездие.

— Да, Лев Иванович, отведи, пожалуйста, заявительницу в дежурную часть на первый этаж, пускай там заявление напишет.

Пенсионерка тут же возмутилась:

— Никуда я не пойду, ваш дежурный уже меня послал куда подальше! И участковый туда же!

Орлов снова почувствовал, как внутри поднялась волна злости. Хотя здесь ничего не попишешь, не может он прикрикнуть на посетительницу, даже если она явно не в себе, по званию и должности не положено. Даже в полумраке коридора Гуров понял, что начальник сейчас готов взорваться. Убийный отдел занимается тяжкими преступлениями, убийствами, изнасилованиями, грабежами, мошенничествами или кра-

жами в крупных размерах, вряд ли пенсионерка пришла с такой проблемой. Скорее всего, просто проскользнула мимо дежурного на посту, воспользовавшись суматохой из-за санитарной обработки, что сейчас шла полным ходом в дежурке. Заявителей встречали густой запах хлорки и ворчащая уборщица, которая обтирала все поверхности среди валящих из окна густых паров зимнего воздуха. Дежурный, который бегал от звонящего телефона к клетке с задержанными и обратно в коридор, успел уже пожаловаться оперу на то, что управление сегодня страдает по вине новичка от едких ароматов дезинфекции и кадрового голода. Посетители идут, а принимать их некому.

Поэтому Гуров поспешил вмешаться:

— Я оперативник по особо важным делам, полковник полиции Гуров, можно Лев Иванович. Товарищ генерал сейчас занят, у него важная работа. А я могу с вами поговорить, давайте дойдем до моего кабинета, вы мне расскажете подробно, что произошло. А я уже подскажу вам, какое заявление и куда написать, чтобы проблема ваша точно была решена.

Из своего многолетнего опыта Лев знал, что некоторым скандалистам, на первый взгляд упрямым и злобным, просто необходимо внимание: выслушать, посочувство-

вать, дать совет. Особенно часто этим грешат старики, которым скучно сидеть дома, и они борются таким образом с нарушением общественного порядка, мелкими хулиганами, жалуясь во все инстанции подряд. Только Гуров знал и то, что вот эти непоседливые скандалисты оказываются часто важными свидетелями, так как наблюдают за жизнью всех жильцов в доме, запоминая любые факты. Иногда мелкой детали достаточно, чтобы раскрыть крупное преступление. Поэтому оперативник решил побеседовать со старухой, чтобы та успокоилась и отстала от генерала и его секретарши, при этом он всего лишь потратит на нее полчаса времени.

Пенсионерка окинула внимательно всю фигуру опера и согласно кивнула:

— Ну хорошо, если по важным делам. У меня очень важное.

— Тогда прямо и направо, в мой кабинет. Вас как зовут?

— Нинэль Гавриловна Бойко, — важно представилась женщина и зашагала наконец в указанном направлении.

Лев за ней не спешил, повернулся к генералу и вполголоса предложил:

— Не переживайте, Петр Николаевич, я отдежурю до утра. Тут осталось вечер да ночь. Перед выходными тихо обычно, еще никто начудить не успел. Как раз со своими

бумагами разберусь, документы по Ерошину подготовлю все на понедельник.

На его предложение Орлов с облегчением вздохнул и махнул ладонью вслед — хорошо. Бросил взгляд на часы — он еще успевает пообедать.

* * *

В кабинете Гуров не спешил, подвинул посетительнице стул, приготовил для себя лист чистой бумаги и ручку для записи, вдруг расскажет что-то интересное. Да и он всегда делал пометки во время разговора или размышлений, так мысли словно выстраивались в цепочку, становились более четкими, облекаясь в слова. Он по своему характеру был неспешен, всегда сосредоточенно и планомерно разматывая по ниточке каждое свое дело, поэтому и заслужил славу профессионального разыскника, которому дело любой сложности по плечу. Тем более куда ему торопиться? Коллега и многолетний приятель, оперуполномоченный Станислав Крячко, в командировке. Жена Мария, театральная актриса, уже вторую неделю на гастролях. И свалившемуся на него дежурству Гуров был даже рад, так как без Марии в пустой квартире ему было невыносимо тоскливо и одиноко. Он и сам уже подумы-

вал, по какой причине бы ему поработать в пятницу в отделе, чтобы времени вечером только и осталось, что прийти домой и после душа лечь спать. Даже ужин без жены, без ее рассказов о закулисных интригах, без веселых и грустных историй с актерами, курьезами во время спектаклей, вставал ему поперек горла. Вот поэтому сейчас Лев Иванович, испытывая в глубине души облегчение, с готовностью настраивался выслушать рассказ старухи, а потом заняться остальными рутинными делами дежурного по отделу оперуполномоченного. Пожилая женщина поерзала на стуле, устраиваясь поудобнее, и принялась подробно излагать свою историю:

— Соседка новая заехала полгода назад в квартиру ровно напротив моей. Я вот тут от вас живу, в трех дворах ходу, в двенадцатом номере, первый подъезд, третий этаж.

«Сталинский крепкий дом, где раньше давали квартиры партийным бонзам», — вспомнил серое здание Гуров и незаметно прошелся взглядом по одежде визитерши. Шубка из норки, замшевые сапожки, массивные украшения на пальцах говорили о достатке. «Жена бывшего партийного работника, вернее, вдова. Судя по возрасту, вышла замуж молодой за пожилого партийца, получила в наследство квартиру

в центре города, повышенную пенсию. Дети выросли или их не было, вот теперь мается от нерастроченной энергии, контролируя соседей. Поэтому настаивает на встрече с начальством, привыкла по старой памяти, что любые государственные органы — это бюрократия и без личного знакомства или взятки решения проблемы не добиться».

Пенсионерка, будто прочитав его мысли, продолжила:

— Мне квартира от мужа досталась, тоже он раньше на госслужбе у меня работал, в министерстве. — Она гордо вскинула подбородок и отследила взглядом, достаточно ли проникся уважением оперуполномоченный к ее статусу не обычной просительницы, а вдовы министерского сотрудника.

Гуров кивнул в ответ, и она продолжила, постепенно переходя на все более доверительный тон:

— Дом у нас раньше был как положено — академики, чиновники, все приличные люди и семьи. Как развалили СССР, так давай метры за миллионы разбазаривать, внуки и дети все наследство готовы потратить, что мы собирали и копили всю жизнь. Вот и заселили в дом кого попало, теперь соседи не здороваются друг с другом, консьержку посадили, лавки снесли у подъезда. ■ Присесть негде, одни парковки да машины.

— В квартиру, про которую вы говорили, соседка ваша давно заехала? — Лев постарался вернуть рассказчицу к цели ее визита.

— Да я даже не знаю, кому сейчас квартира принадлежит. Раньше там академик Сычев проживал с женой, внук с ними жил, Алексей. Хороший такой мальчик, вежливый, в Институте атомной физики учился на кафедре у дедушки. Когда Сычев умер следом за женой, так Алеша в Америку уехал навсегда и квартиру бросил. Не знаю, продал он ее или сдал, знала бы его номер, сама бы позвонила и устроила выволочку по первое число. Куда смотрел, кто туда заселяется!

— Кто же туда заселился? — терпеливо вернул старуху к теме Гуров.

— Проститутки! Каждый вечер то одна, то другая. Разряженные, накрашенные, юбки еле зад прикрывают. Срамота! Утром топот, вечером каблуками своими стучат, покоя нет от них!

— Вы уверены? Может быть, просто студентки сняли квартиру, ну и перебарщивают по молодости с косметикой и нарядами.

Старуха аж скривилась от замечания:

— Я до замужества в гостинице «Интурист» работала кассиром, навидалась этих шалашовок, у меня на них нюх! Их сразу видно, штукатурки килограмм на морде. В холод, в дождь, в мороз в колготках, в юб-

чонке, еще и декольте до пупа, чтобы все вываливалось. А те, что поскромнее, глазки в пол, так еще дороже стоят, их извращенцы всякие заказывают.

Про себя Гуров фыркнул от такой осведомленности об особенностях работы жриц любви у вдовы министерского чиновника, но вслух спросил:

— Конкретно сколько человек там проживает в квартире, не узнавали?

— Да их не сосчитать. — Пенсионерка принялась загибать пальцы: — Блондинка такая кудрявая, я ее как-то раз поймала утром, идет и курит прямо в подъезде. Ведь у меня аллергия на табак, даже муж на балкон бегал дымить. Так она мне в лицо давай хохотать, дрянь пьяная. Потом рыжая с каре, эта поскромнее. Нырк из двери и бежать. И всегда на ночь глядя, ну вот куда бы девушка молодая по ночам ходила, если не мужиков ублажать? Еще ходит у них цыганка или армянка, черная вся, размалеванная.

— В квартиру вы заходили? Как вы их всех заметили?

— Так через глазок, как начинают утром или вечером каблуки грохотать, ну все понятно, с работы летят бабочки ночные. И ходят по одной ведь, по очереди работают. Я к ним каждый день хожу, стучу в дверь, ни

разу не открыли, поганки. Боятся! Чего бы им бояться, если они не проститутки!

— Ну хорошо. — Гуров задумался, как же ему поступить. Если даже девушки, что живут в квартире, и правда ночные бабочки, то поймать их на нарушении закона не так-то легко, ведь нужно застать их в процессе с вещественными доказательствами — деньгами, клиентами.

— Мужчин вы видели, входящих или выходящих из квартиры?

— Нет, — старая шпионка ответила с досадой, явно огорченная безрезультатными часами дежурства у глазка своей двери.

Лев Иванович с трудом подавил вздох. Все-таки он не ошибся, старушка просто мается от безделья и ищет себе приключений, вот и нашла объект для полыхающей ненависти в виде молодых девчонок. Пускай даже они одеваются вульгарно, ведут сомнительный образ жизни, но криминала в этом нет никакого, поэтому и участковый отказал пенсионерке в проверке жительниц квартиры академика. Нет состава преступления, если говорить профессиональным языком оперативно-разыскных мероприятий. Но что же теперь делать? Настырная пенсионерка опять примется атаковать кабинет Орлова, если честно ей объяснить, что повода даже для простой проверки жильцов

квартиры нет никакого. Наверняка она уже затюкала участкового своими жалобами, теперь же в управление будет ходить как на работу, доставая всех подряд. Лев Иванович так задумался, что перестал слушать свою собеседницу, лишь качая головой в такт ее жалобам:

— Участковый мне говорит, что вы, Нинэль Гавриловна, работать мешаєте своими сплетнями. А я ему на то: ведь вашу работу делаю, борюсь с неблагонадежными элементами в нашем доме. Нет чтобы спасибо сказать, он меня чуть ли не вытолкнул из кабинета. Кого понабрали в участковые?! Вот раньше они здоровались и всех жильцов поименно знали, кто академик, а кто на таможне работает. Молодым же лишь бы в кабинете сидеть, в компьютере тыкать. Это разве работа? Так, штаны протирать.

— Хорошо, Нинэль Гавриловна, — опер наконец придумал, как хоть ненадолго угомонить подозрительную активистку. — Арестовать или предъявить обвинение в распутном образе жизни мы не можем, маловато информации. Ведь ночные бабочки с клиентами работают, а вы ни одного мужчину рядом с квартирой соседей не видели.

— Так проследить за ними надо, — пенсионерка, казалось, сама готова прямо сейчас приступить к розыскным мероприятиям